

УДК 81'373

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА 'ГОЛОВА' В ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ ГАНДЛЕВСКОГО «ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА»

© 2013 г.

И.В. Милашевская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

imilashvskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 05.12.2013

Анализируются парадигматические и синтагматические связи единиц, объективирующих концепт ГОЛОВА в художественном тексте, выделяются когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта.

Ключевые слова: соматическая лексика и фразеология, объективация концепта, концептуальная метафора, когнитивная лингвистика.

Произведение Сергея Марковича Гандлевского «Трепанация черепа. История болезни» начинается следующими словами: «Когда я открывал глаза, она уже болела». Таким образом, первой репрезентацией концепта ГОЛОВА в тексте является личное местоимение *она*, которое указывает на предмет речи, но не называет его. Однако само заглавие повести, а также дальнейший контекст (*А может, меня просто-напросто будила головная боль*), в котором употреблено однокоренное с ключевым словом, номинирующим концепт, прилагательное *головная*, не оставляют у читателя сомнений: речь в произведении идёт именно о голове.

Основным средством объективации рассматриваемого концепта в анализируемом тексте является существительное *голова* (45 употреблений). По данным современных толковых словарей, лексема *голова* — это полисемант, насчитывающий в зависимости от конкретного источника от 6 до 9 значений, первое и основное из которых — 'верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг' [1, с. 325]. Соматоним *голова*, как и другие названия частей тела, принадлежит к общеславянской лексике; в этимологических словарях происхождение этого слова описано лишь предположительно: «Возможно, о.-с. *golva сначала значило 'голая, лысая голова', м.б. даже 'черепа'. <...> И.-е. корень *gal- (в данном случае — с расширителем -ц-), тот же, что в о.-с. *golъ, *golъjъ (см. *голый*)» [2, с. 200].

Следует отметить, что впервые лексема *голова* появляется лишь в четвёртом контексте, объективирующем рассматриваемый концепт, поскольку во втором контексте вновь употребляется личное местоимение *она* (*Господи, твоя воля! По какому такому правилу буравчика она*

раскалывается изо дня в день!), а в третьем концепт вербализован синонимичным ключевому слову существительным *башка* (*М-м-м-м. Хоть рулоном туалетной бумаги башку обмотай и ходи так. Чтобы знали, сволочи, как мне хреново*).

В целом в качестве парадигматических средств объективации концепта в тексте трижды употребляется личное местоимение *она* и используются 4 существительных-синонима лексем *голова*: *башка* (2 употребления), *кумпол*, *репа*, *бестолковка*. Лексем *башка* и *кумпол* зафиксированы в словаре синонимов с пометой 'прост.' [3, с. 91]. Слово *репа* имеет толкование 'о глупой или плохо соображающей голове', а синоним *бестолковка* демонстрирует фиксированную в значении отрицательную оценку благодаря своей прозрачной словообразовательной структуре и внутренней форме.

При анализе синтагматических связей единиц, объективирующих рассматриваемый концепт, в первую очередь выделяется группа слов, функционирующих в предложениях в качестве предикатов. Голова как субъект действия в повести Сергея Гандлевского *болит* (3 употребления), *раскалывается*, *кружится* и *[тяжело] пульсирует*, являясь для автора источником постоянных неприятных, преимущественно болевых, ощущений. В качестве предиката также используется предложно-падежная форма существительного *в бинтах* (*Средних лет ходок с понятными намерениями стоял перед ними: голова в бинтах, как у человека-невидимки*), описывающая внешний вид головы и называющая признак, также репрезентированный в двух других контекстах в причастных формах.

'Голова' в тексте произведения имеет следующие признаки, выраженные прилагательными

и причастиями: *гипсовая, болящая, сивая, садовая, забинтованная, обречённая, [гордо] поднятая, перебинтованная, бритая, [совершенно] лысая [от химиотерапии], заломленная, умная, лысоватая и седоватая, пробитая, голая*. Определения *бритая, лысая* и *голая* описывают внешний вид головы, акцентируя полное отсутствие волос, вызванное её необычным, а точнее, болезненным состоянием.

Характеризуя свою внешность до операции, автор также использует прилагательное *сивая* со значением 'седая'. «И сразу у меня отлегло от сердца: точно я не сорокалетний испитой мужик с сивой головой и собственноручно испохабленной жизнью, а пришёл, как тридцать лет назад приходил с мамой вот к таким же профессорам вот с такими же молоточками», — пишет Сергей Гандлевский. В данном контексте существительное *голова* в выделенном словосочетании употребляется метонимически, в значении 'волосы на голове'.

Оценивая интеллектуальные способности одного из вымышленных персонажей своей повести, «плешивого садовода-любителя», автор использует фразеологизм *голова садовая*: «...Спустит с утра пораньше научный огородник послезавтрашних лет с раскладушки тощие ноги в гусиной коже. Поскребёт в своей садовой голове, раскинет мозгами». Особенностью авторского употребления фразеологизма является то, что оборот включается в метафорическое выражение *поскребёт в голове*, в котором не происходит фиксируемого словарями метонимического переноса значения лексемы *голова* с части тела на человека в целом. По данным словарей, фразеологизм *голова садовая* номинирует неловкого, нерасторопного, несообразительного человека [4, с. 137], а лежащее в основе фразеологизма сравнение с кочаном капусты вносит в слово *голова* отрицательную оценочность [5, с. 145].

В целом в тексте произведения с ключевым словом лишь один раз употреблено прилагательное с фиксированной в значении положительной оценкой — при описании друга автора, хотя и в достаточно ироничном контексте: «Мой дорогой друг заслонил лицо рукавом в отчаянье и до конца сабантуя не проронил ни слова и только пил, пил и пил, так что под утро уснул, стоя на коленях и уронив свою умную лысоватую и седоватую голову на кухонный табурет».

Индивидуально-авторским можно считать употребление существительного *башка* в сочетании с прилагательным *гипсовая* в значении 'бюст' в следующем контексте: «Первую ночь

ночевал в придорожном кишлаке, вторую — в Хороге, аж в гостинице. Стоял перед ней бюст Маркса. И я диву дался. Немецкий безвестный экономист, <...>, а вот через сто лет с гаком торчит его *гипсовая башка* чуть ли не в Гималаях!».

Среди причастий, определяющих слова, объективирующие в повести концепт ГОЛОВА, есть только одно действительное причастие — *болящая* — и 7 страдательных, указывающих на то, что в анализируемом тексте голова представлена скорее как объект, на который направлено действие.

Значение прямого объекта действия выражено в произведении существительными в винительном падеже без предлога в сочетании с переходными глаголами: *башку обмотай, заслонил голову, ломал голову, задрала головы, голову не суйте, поглаживая бестолковку, потеряв голову, покрывала голову, уронив голову, голову мотало*. В последнем случае, чтобы подчеркнуть, что действие происходит независимо от желания субъекта и происходящее действие невозможно контролировать, автор выбирает форму безличного предложения (*Голову на тонкой шее мотало туда-сюда, и мокрый от слабости лоб бодал материнскую ладонь, чувствуя обручальное кольцо...*), что позволяет максимально точно передать его физическое состояние (бессилие и беспомощность) во время болезни в детстве.

Среди приведённых примеров последней модели есть два фразеологизма: *ломать голову* со значением 'усиленно, напряжённо думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное, сложное' [4, с. 332], описывающий мыслительную деятельность, и *терять/потерять голову* со значением 'утратить способность вести себя спокойно, поступать разумно, будучи сильно взволнованным' [4, с. 637], отражающий эмоциональное состояние человека. В этих метафорических выражениях голова концептуализируется как объект, обладающий ценностью, который при определённых условиях может быть утрачен или повреждён. По данным словарей, аналогичные обороты, совпадающие по структуре и по семантике, есть в других европейских языках [5, с. 147, 150], что подтверждает универсальность лежащей в их основе метафорической модели.

Значение косвенного объекта действия выражено словоформами, репрезентирующими концепт, в косвенных падежах с предлогами. Объектное значение в таких словосочетаниях дополняется пространственным — значением направления и места действия, таким образом,

его можно назвать объектно-обстоятельственным: родительный падеж — *снимала с головы, сорвал с головы, не вынем из-под голов*; дательный падеж — *отоварить по кумполу*; винительный падеж — *выливали на голову, натягиваю на голову, показывал на [свою перебинтованную] репу*; творительный падеж — *раздалось над головой, ломают над головой, над головами будут шуметь*; предложный падеж — *прилепили [и у меня] в головах*. Определительно-обстоятельственные отношения выражены в словосочетании *к порезу на [голой] голове* (Потом я поднял на себя глаза: этакий чистюля в недельной рыжей с проседью щетине, ученических очках и с ваткой, прилепленной к порезу на голой голове), в котором голова описана как повреждённая часть тела без волос.

В большинстве приведённых примеров последней модели голова по-прежнему представлена как объект, на который направлено действие, как правило, физическое, иногда негативное, извне. Но в ряде случаев (в творительном падеже, например) пространственное значение словоформы доминирует над объектным, а во фразеологизме *в головах*, где существительное употреблено метонимически, выражено только обстоятельственное значение («*Косых Семён Петрович*» — *было написано от руки на бумажке, скотчем прикрепленной над его изголовьем. Подобный же квадратик прилепили и у меня в головах*). Фразеологизм имеет значение 'в том месте или около того места, куда, ложась, кладут голову' [6, с. 113], и голова в нём выступает в качестве пространственного ориентира, хотя и при горизонтальном членении пространства, а не при вертикальном, как это бывает обычно.

Среди сочетаний глаголов со словами, репрезентирующими концепт, в винительном и предложном падежах с предлогами есть значительное количество фразеологизмов и оборотов с переносным значением, описывающих мыслительную деятельность и физическое состояние человека: *зайдёт в голову, прийти в голову* (2 употребления), *лезла в голову* — винительный падеж; *выкристаллизовался в головах, поскребёт в голове, шумит в ней* — предложный падеж. В основе этих выражений лежит концептуальная метафора ГОЛОВА — ВМЕСТИЛИЩЕ [подробнее об этом см. 7]. Кроме того, в оборотах, включающих глаголы движения (например, *приходить/прийти в голову* или *лезть/полезть в голову*), эта метафора сочетается с метафорой ПУТИ (образная схема «исходный пункт — путь — конечный пункт»), где исходный пункт может отсутствовать, а вместилище *голова* выступает в качестве конечного пункта).

Содержимое головы в контекстах, включающих такие метафорические выражения, описано автором следующими словами: *[гениальный апрельский] тезис, аналогия [с Иваном Ильичом], [счастливая] идея, [всякая] нежить*. Существительные *тезис, аналогия* и *идея* описывают мыслительную деятельность человека. Существительное *нежить* со значением 'в русской мифологии: фантастические существа (домовые, лешие, водяные, ведьмы, русалки, кикиморы)' [8, с. 396] употреблено с фразеологизмом *лезть в голову* 'неотвязно, настойчиво возникать, присутствовать в сознании' [4, с. 322] (*Только женщины пили понемногу при настольной лампе, говорили вполголоса на свои женские темы, а я поневоле подслушивал вполуха: то Гриша раскрывался, то лезла в голову всякая нежить, и под утро, на будь что будет, я угомонился*) при описании состояния автора перед операцией. Оборот *шумит в голове*, выражающий субъективные ощущения человека, употреблён в безличном предложении (*И шумит в ней так, что я не могу отличить внутреннего гула от гула высокого многолюдного зала и стрекота видеокамер*), в котором нет позиции подлежащего, номинирующего содержимое головы. Но сам глагол *шумит* в безличном употреблении, а также словосочетание *внутренний гул* в дальнейшем контексте говорят о том, что наполнением головы как вместилища в данном случае является шум.

Голова как инструмент, орудие действия представлена в оборотах с ключевой лексемой, номинирующей концепт, в творительном беспредложном падеже: *бодать головой, задевая головой, [отрицательно] кручу головой, стал [усиленно] крутить головой*. Словосочетание *бодать головой*, уподобляющее поведение человека поведению животного, в авторском тексте входит в состав развёрнутой метафоры (*Надо сопротивляться — чертить по полу ногами, упираться, хвататься за мебель и дверные косяки, пускать пузыри носом, бодать правду головой в живот и кусать её за её вонючие руки*), с помощью которой автор выражает своё отношение к чистой, или абсолютной, правде. Словосочетание *крутить головой* в тексте произведения употребляется дважды, в разных значениях: оно обозначает жест отрицания в первом из приведённых выше примеров и движение головой во втором (*Я стал усиленно крутить головой и прилежно всматриваться*).

Сочетания существительных, номинирующих концепт, в творительном падеже с глаголами движения и положения в пространстве в анализируемом тексте обозначают образ и спо-

соб совершения действия: *завдвигал [меня] головой вперёд, вставить [под душ] с головой, повис вниз головой*. В основе этих словосочетаний лежит представление о том, что положение человека в пространстве определяется по положению его головы, которая является ориентиром в вертикально (обычно) либо горизонтально (в первом из приведённых здесь примеров) ориентированном пространстве.

В некоторых контекстах существительное *голова* употребляется в творительном падеже в конструкциях, характеризующих героев (*Я же поутру, в тулупе на голое тело и с забинтованной, как сейчас, головой, звонил в двери «Ритиной квартиры», ключей-то со мной не было*) и их поведение (*Теперь и Лене покойно, и я могу пить два с половиной дня с гордо поднятой головой*). В приведённых примерах выделенные конструкции с существительным *голова* описывают внешность и эмоциональное состояние человека соответственно. Во втором примере в основе метафоризации лежит образная схема «верх — низ», в которой гордость соответствует верху, стыд — низу, а положение головы служит определённым пространственным ориентиром. Эта метафора является частным случаем концептуальной метафоры ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, ПЛОХОЕ — ВНИЗ, описанной в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» [9].

Контексты, в которых репрезентирован концепт ГОЛОВА в повести, принадлежат не только самому автору. С. Гандлевский включает в текст своего произведения отрывок из стихотворения Бориса Пастернака «Сосны» (*И так неистовы на синем / Разбеги огненных стволов, / И мы так долго рук не вынем / Из-под заломленных голов...*), строки из народной шахтёрской песни про коногона (*Молодо-о-ого да конного-о-на / Несут с пробитой голово-о-ой*), а также называет себя «всадником без головы» (*Тогда я громыхал верхом на швабре вокруг обеденного стола, называя себя «всадником без головы»*).

Проведённый анализ парадигматических и синтагматических связей единиц, объективирующих концепт ГОЛОВА в повести С. Гандлев-

ского «Трепанация черепа», позволяет сделать вывод о том, что когнитивными признаками рассматриваемого индивидуально-авторского концепта, нашедшими своё отражение в произведении, являются следующие: голова болит; голова без волос, она повреждена и забинтована; голова — объект внешнего воздействия; голова — ценный объект; голова — вместилище для мыслей и соображений человека; голова — орудие действия; голова служит пространственным ориентиром; голова характеризует человека, его состояние и поведение. Безусловно, часть этих представлений автора о голове ситуативна и была сформирована под влиянием трудных жизненных обстоятельств, но даже ощущения человека, предельно ослабленного тяжёлой болезнью, автор описывает необыкновенно поэтично (*Дома я взялся за своё: спал, читал что полегче, шурлся в телевизор, гулял с собакой, но воздух вокруг головы тикал и щёлкал, словно дураковатый весельчак, ухахь и шельма, наяривал на расписанных деревянных ложках*).

Список литературы

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А-Й. 698 с.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М.: Рус.яз. – Медиа, 2004. Т. 1. 623, [1] с.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Рус.яз. – Медиа, 2006. 564, [12] с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Фёдоров. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. 720 с.
5. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926, [2] с.
6. Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова. М., 1968.
7. Милашевская И.В. Концептуальная метафора ГОЛОВА — ВМЕСТИЛИЩЕ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, № 6 (1), с. 360–363.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Издательство Л КИ, 2008. 256 с.

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT HEAD IN A STORY BY SERGEY GANDLEVSKIY «TREPANATION OF THE SKULL»

I.V. Milashevskaya

The author's focus on the lexical and phraseological means of objectification of the concept of "head" in the author's text, and cognitive signs of the individual author's concept are determined.

Keywords: somatic words and idioms, objectification of a concept, conceptual metaphor, cognitive linguistics.